

— Кто это был, кто льстил мне, говоря, что, став императором, я буду единственным, кому все подчиняются? — Сяо Юйшань задал вопрос с небрежной легкостью, его голос звучал лениво, словно внезапно налетевший весенний ветер.

Прошло немало времени, а в ответ он получил лишь этот безобидный вопрос. Евнух Ван не знал, плакать ему или смеяться — наш император, с самого рождения предназначенный быть наследником престола, с детства обладал выдающейся внешностью, а спокойное и процветающее государство, богатство и слава, казалось, сами шли ему в руки. То, чего другие не могли достичь за несколько жизней, он получил с самого рождения. Однако его характер становился все более непонятным.

Ань Фэн, телохранитель, как всегда оставался холодным, как лед, и прямолинейным, как никогда:

— Ваше Величество, это были слова Ее Величества Императрицы-матери.

Сяо Юйшань остановился, поднял взгляд на Ань Фэна, его прекрасные глаза, похожие на цветы персика, наполнились невыразимым смыслом, но он ничего не сказал.

Когда на тебя долго смотрят, даже такой холодный человек, как Ань Фэн, не может выдержать. Однако он все еще чувствовал себя невиновным, держа меч в руках, он поклонился и попытался оправдаться:

— Это действительно были слова Ее Величества Императрицы-матери, я не ошибся.

Сяо Юйшань указал на Ань Фэна, улыбка не покидала его лица, но из его уст вырвались два слова, полных скрытого смысла:

— Честный.

Увидев, что император уходит, Евнух Ван поспешил за ним. Заметив растерянность на лице Ань Фэна, он не удержался от того, чтобы дать ему совет:

— Ты действительно думаешь, что Его Величество не помнит этого?

— Если помнит, зачем тогда спрашивает?

— Недотепа. — Евнух Ван махнул своей метелкой, вздохнув, что этот человек совершенно безнадежен, действительно безнадежен.

Так называемое «снадобье небожителей с горы Дунли» — это пилюли, которые изготавливал даос Цанъян в храме Сюйхэ на горе Дунли. А происхождение этого «снадобья небожителей» тесно связано с нынешним императором Сяо Юйшанем.

Когда Сяо Юйшаню было шесть лет, он тяжело заболел, у него была высокая температура, и лекари не могли помочь. В отчаянии императрица, несмотря на насмешки окружающих, решила отправить маленького наследника в храм Сюйхэ, чтобы «старый небожитель» осмотрел его.

Этим «старым небожителем» был даос Цанъян.

Возможно, старый небожитель действительно обладал некой божественной силой, и наследник, который был на грани смерти, после лечения вернулся к жизни. С тех пор

покойный император стал еще более благосклонен к даосам храма Сюйхэ, и во всех важных делах он обязательно обращался к даосу Цанъяну за предсказаниями.

После того, как Сяо Юйшань спасся от смерти, он также стал все больше верить в даоса Цанъяна и каждый праздник лично посещал храм Сюйхэ.

Когда прозвучал третий утренний колокол, седовласый старец в сопровождении молодого даоса вошел во дворец. Снаружи ходили слухи о его чудесных способностях, и люди во дворце, естественно, были крайне любопытны к «старому небожителю», невольно разглядывая его.

Старец, хотя и был седовласым, выглядел бодрым, его осанка была прямой, и он не казался усталым, действительно отличаясь от обычных даосов.

Молодой даос, следовавший за ним, был юным и красивым, его взгляд был спокойным и отрешенным, а осанка — стройной, как одинокая сосна. Хотя он был одет в простую серую одежду, его внешность вызывала восхищение, он выглядел как настоящий небожитель, выделяясь среди других.

— Говорят, на этот раз Его Величество пригласил старого небожителя, чтобы тот предсказал судьбу Супруги Хуэй.

— Если ей действительно суждено стать императрицей, старый небожитель не ошибется.

— А если нет?

Слухи, неизвестно откуда взявшиеся, за день распространились по дворцу, и когда даос Цанъян с учеником вошли во дворец, казалось, все подтвердилось.

В зале с красными колоннами и зеленой черепицей царил аромат сандалового дерева, придавая богатому и роскошному месту ощущение спокойствия и умиротворения. Евнух Ван подал старому небожителю чай, почтительно поклонился и быстро удалился.

Сяо Юйшань предложил старцу попробовать чай, не торопясь упоминать о предсказании судьбы Супруги Хуэй. Отпив чай, даос Цанъян улыбнулся:

— Чай после дождя.

Для гостей обычно подают чай, собранный до дождя, так как его аромат более нежный и долго сохраняется во рту. Чай, собранный после дождя, хоть и не так изыскан, но имеет более насыщенный вкус, что больше подходит пожилым людям. Возможно, помня о милости, оказанной ему в детстве, Сяо Юйшань был очень внимателен и искренне уважал даоса Цанъяна.

После чашки чая Сяо Юйшань наконец изложил свою просьбу:

— Старый небожитель, сегодня у меня есть к вам просьба.

По пути он уже слышал множество слухов, и хотя Сяо Юйшань еще не сказал, о чем речь, даос Цанъян уже все понял и вздохнул:

— Теперь, когда Ваше Величество открыло рот, как я могу отказать? Но...

— Но гора Дунли — это место для даосских практик, и она не должна быть вовлечена в дворцовые интриги. — Сказав это, старец встал и поклонился императору с величайшей

серьезностью. — После этого я надеюсь, что Ваше Величество будет считать гору Дунли лишь местом для молитв и жертвоприношений.

Сяо Юйшань поспешил попросить старца не кланяться, сначала согласившись с его словами, а затем легонько улыбнулся:

— Но разве можно прожить жизнь, не запачкавшись? — Его улыбка была яркой, как весенний цветок, но в его сердце таилась ирония, хотя было непонятно, над кем он смеялся — над собой или над другими.

Гора Дунли и храм Сюйхэ не были райским уголком или обителью небожителей. Даже если когда-то они таковыми являлись, с того момента, как даос Цанъян вылечил Сяо Юйшаня, они уже не могли вернуться к прежней жизни.

Даос Цанъян всю жизнь посвятил духовным практикам, заслужив титул «старого небожителя», и не хотел, чтобы люди с горы Дунли втягивались в борьбу за власть. Но на этот раз Сяо Юйшань использовал предсказание судьбы как предлог перед князем Цзиньянь, и теперь гора Дунли неизбежно будет втянута в эту борьбу.

После нескольких часов обсуждения, когда все важные дела были завершены, Сяо Юйшань вдруг упомянул другого человека:

— Чу Циюнь спустился с горы вместе с вами, старый небожитель?

Даос Цанъян записал предсказание судьбы и положил его в парчовый мешочек, который с почтением подал императору, после чего ответил:

— Ваше Величество лично приказало, и Циюнь не посмел ослушаться. Сегодня утром он вошел во дворец вместе со мной и сейчас ждет снаружи, не осмеливаясь войти без приказа.

Сяо Юйшань, держа мешочек в руках, был очень доволен, его прекрасные глаза, похожие на цветы персика, сияли улыбкой, которая делала его лицо еще более привлекательным:

— После того, как мы разберемся с вопросом о назначении императрицы, я хочу поговорить с ним по душам.

— Хорошо.

За пределами главного зала молодой даос в серой одежде, держа в руках метелку, стоял на страже у крыльца, не отводя глаз. Его учитель уже два часа беседовал с императором в зале.

Слуги, проходившие мимо, время от времени обменивались краткими репликами, и Чу Циюнь молча слушал их. Слухи были подобны урагану, и тот, кто оказывался в центре внимания, рисковал быть сметенным.

На этот раз он не знал, кто окажется в беде. В данный момент его больше всего беспокоило то, что голод мучил его, словно огонь в животе.

Судя по всему, император не собирался подавать обед?

Вместе с ним снаружи ждали двое мужчин в головных уборах и официальных одеждах. Чу Циюнь не знал их, но предполагал, что они пришли из-за слухов.

Холодный телохранитель у двери остановил их, сказал ледяным тоном:

— Его Величество сейчас советуется со старым небожителем, прошу вас подождать немного.

— Советуется? — Князь Цзиньань стоял, заложив руки за спину, и усмехнулся. — На мой взгляд, это старый даос с горы Дунли пришел попрошайничать.

Рядом Верховный воевода Чжан улыбался, поглаживая бороду, но не говорил ни слова, хотя в его молчании был скрыт глубокий смысл.

Ань Фэн стоял у двери, не отступая ни на шаг:

— Перед Его Величеством, Ваше Высочество, так говорить нельзя.

— Всего лишь старый болтун, я хочу посмотреть, что он сможет предсказать. — В глазах князя Цзиньаня увлечение императора даосизмом было признаком заблуждения, а даосы с горы Дунли, сбивающие его с пути, заслуживали смерти.

Чу Циюнь изначально не собирался спорить, но этот человек был настолько раздражающим, что он не мог молчать, когда тот оскорблял его учителя. Он поднял метелку и шагнул вперед:

— Это неправильно.

Князь Цзиньань даже не взглянул на молодого даоса, держась с высокомерием и обратился к Ань Фэну:

— Что это за штука?

— Это даос Чу из храма Сюйхэ на горе Дунли. — Ань Фэн знал этого человека, так как они были знакомы.

Хотя Чу Циюнь выглядел как настоящий небожитель, его характер был совершенно другим. Он мог запутать собеседника своими словами. Он почтительно поклонился князю Цзиньань, а затем сделал вид, что обеспокоен:

— Я только что услышал, как Ваше Высочество говорили о моем учителе, и мне стало очень тревожно.

Князь Цзиньань спросил:

— О чем ты тревожишься? И за кого?

— За вас, Ваше Высочество. — Чу Циюнь поклонился еще раз. — Титул «старого небожителя» был дан моему учителю покойным императором более десяти лет назад в знак признания его мастерства в медицине, когда он спас жизнь наследника престола.

[Отсутствуют]